

Орест Сомов

Недобрый глаз

Этот рассказ Орест Михайлович написал в 1833 году под псевдонимом Порфирий Байский. История из цикла «Малороссийские были и небылицы» считается пересказом украинской народной легенды. Пуская в свой дом странного путника, добродушный казак Никита не подумал, что тому могут приглянуться три его дочери-красавицы...

Орест Сомов
Недобрый глаз

Из малороссийских былей и небылиц

I

Ой, хорошие дочери у казака Никиты, да и казак Никита человек нескудный: на четырнадцати парах волов чумаков отправляет то на Дон по рыбу, то в Крым за солью; а все волы большие, круторогие, широкочёлые, с оттянутыми пахами, с седловатым хребтом, с навислою, волосастою грудовиною. А на выгоне у казака Никиты пасётся косяк коней что ни самых лихих, что ни самых борзых. А дома у казака Никиты добра столько, что не переписать в неделю и бойкому скорописцу. Ещё же говорят люди, что у казака Никиты есть заветная скрынька с дукатами, да серебра столько, что четвериком не загребёшь.

II

Ой, хорошие дочери у казака Никиты; и Галя чернобровая, и Докийка румяная, и Наталка белолицая. Отец и мать научили их страху Божию. Любо смотреть, как они в летние праздники и дни воскресные идут к обедне чинно и смиренно, в белых тонких кунтошах со строченными усами, в сафьянных чоботах

с подковками, в разноцветных скиндячках, размётанных по плечам, и с цветами махрового маку, чернобривцами и барвенками в волосах. Все парубки тогда на них заглядываются и твердят, почёсывая за ухом: «Ой, тяжко хорошие дочки и вельми богатый батько!»

III

Сидит казак Никита на прилавке за воротами, курит роменский табак из кореньковой трубки в медной оправе и посматривает на свет Божий. Вот видит он: за селом по дороге пыль вьётся клубом, скачет ездок сломя голову; вот внёсся в село, ближе и ближе; под ним конь, как зверь, чёрен, как вороново крыло, из ноздрей дым валит, как из винокурни, вот поравнялся ездок с казаком Никитой, натянул повода — и конь упёрся ногами в землю, согнул шею кольцом, уключил голову, заржал и засверкал беглыми своими глазами так, что казаку Никите почудилось, будто искры полетели во все стороны.

IV

«Здорово, добрый человек!» — сказал проезжий. «Бог помочь! — отвечал казак Никита, вынув трубку изо рта и приподняв шапку. —

Куда Бог несёт?» Казаку Никите показалось, что прохожий дважды моргнул усами, а конь его дважды фыркнул. «Еду далёко, далёко: отсюда глазом не смеряешь и не одни постолы изобьёшь, пока пешком дойдёшь. Да не в том дело, а вот в чём: где бы мне ночлег найти?» — «Милости просим! рады добрым людям. Бог про всякого посылает человеку хлеб насущный».

Проезжий молча сошёл с коня, повёл его за повод, привязал к столбу под навесом и вошёл в хату с казаком Никитой.

V

Не пригож был этот проезжий: лицо бледное, ни кровинки, нос толстый, луковицей, губы втянуты; по обе стороны лица торчали клоками скомшенные рыжие усы; такие ж рыжие брови густо нависли вниз как щетина, заслоняли глаза так, что их вовсе не было видно; красно-рыжий оселедец, как полоса запёкшейся крови, пролегал по виску и вился за ухом. Ещё скажу: не пригож был проезжий! Он с виду был не стар и не молод; какая-то кислая ужимка вместо усмешки и глухой голос, вырывавшийся из гортани, как из моги-

лы, не сулили в нём ничего доброго. На нём был жупан тонкого сукна; за персидским кушаком заткнут был турецкий нож с серебряною рукояткой, на которой как жар горели дорогие каменья. Не помолясь Богу, как водится у православных, и чуть головой кивнув хозяйке и дочкам, сел он без чинов за стол и заломался, словно в шинке.

VI

«Как вижу, вы из запорожцев, добродию?» — спросил его казак Никита. «Может статься», — был ему ответ. «И давно уже гарцуете с молодцами?» — «Да не со вчерашнего дня». — «А как вас величать?» — «Лавро Хоробит». — «Что подумаешь: куда вы много положили бусурманских голов на своём веку?» — «Было всяких; пусть их лежат». «А далёко вы часом хаживали на войну?» — «Да; из вашего села галки туда не залетали». — «И много, чай, трудов понесли?» — «На доброй паре волов всех не свезёшь». — «Что-то, как порасскажут бывалые чумаки, за приволье в бусурманских землях! Что за места богатые! Чего там не родится!» — «Везде хорошо, где нас нет». — «А какое злое племя турки да тата-

ре!» — «Есть и христиане не лучше их». Казак Никита смекнул, что гость не поддаётся на расспросы и что от него путного слова не добьёшься; он взглянул исподлобья на проезжего и замолчал.

VII

За ужином проезжий гость зарился сквозь навислые свои брови на пригожих дочек казака Никиты, как щука зарится сквозь тростник на маленьких резвых рыбок; но красавицы не слышали от него ни одного привета, ни одного слова. Угрюмо сидел он и только, пыхтя, потягивал запеканку и терновку казака Никиты. Когда же взглядывал порою на которую-нибудь из девушек, та невольно опускала глаза вниз, не от стыда, а от страха: красавиц пугали эти взгляды невидимого глаза, чуть-чуть светившегося из-за густых рыжих бровей. Гость встал из-за стола, как и сел за него: не молясь Богу, не сказав доброго слова хозяевам. Что за человек был он? Все думали, гадали, и никто не мог дознаться.

VIII

Всю ночь выла под окном собака, и душно и жутко было красавицам. Они не могли

спать, поминутно ворочались в постели, и если на миг забывались, то страшные грёзы тотчас перерывали их сон. То слышалось им похоронное пение и звон по покойнике; то незнакомый гость смотрел на них такими глазами, что холод сжимал им грудь, захватывал дыхание и оковывал льдом все их составы. Красавицы метались, стенали сквозь крепкий сон, пробуждались в страхе и поутру встали с тяжёлыми головами и смущённым духом.

IX

«Слушай, казак Никита, — сказал Хоробит своему хозяину поутру за снedaньем, — отдай за меня свою дочку Галю чернoбровую». — «Моя дочка Галя уже просватана: жених из хорошего рода и человек достаточный; а кто без причины жениху от заручёной невесты откажет, того Бог накажет». — «Так отдай за меня Докийку румяную». — «У моей дочки Докийки тоже есть женихи на славу. Бог поможет, одну под венец отпустим, а за другую ручники подадим». — «Ну, хоть Наталку белолицую». — «Моя дочка Наталка дитя молодое, ничего ещё не знает. Где ж её отдать в такую

дальнюю сторону?» — «Отказал ты мне, казак Никита, накормил ты меня печёным гарбузом; смотри же, чтобы после не каялся». — «Что будет, то будет; а будет то, что Бог велит!» — отвечал казак Никита.

Х

Ни слова не сказал больше Лавро Хоробит и пошёл седлать своего вороного, который ржал и сарпал, и бил копытами землю. Тогда вошли в хату три дочки казака Никиты. Они вышли из своей светлицы, думая, что проезжий гость уже ускакал и больше не воротится. А вот и он, как с дуба сорвался, идёт гордо и осанливо, побрякивая серебром и золотом. «Вот тебе, хозяин, за ночлег и за ласку, — молвил он, опустя руку в кишеню и вынув полную горсть серебряных денег». — «У нас не постоялый двор и не шинок, — отвечал казак Никита с досадой, — проезжих угощаем, чем Бог послал, а денег за хлеб-соль ни с кого не берём». — «Так позволь же мне одарить твоих дочек на память!» — сказал Хоробит и, запустя снова руку в кишеню, вытащил горсть золотых вещиц. У девушек глаза разбежались на перстни, на серьги, на дорогие монисты и

запонки. Каких тут не было и видом, и цветом, и ценою! Одни как жар горели, другие светились, как ночью глаза у кошки, на иных сверкали радуги, ярче той, что спускается с неба на землю и пьёт воду из ручьёв и колодезей. Девушки то любовались дорогими вещицами, то переглядывались друг с другом, то искоса посматривали на отца: куда девался и страх от проезжего! «Берите, коли добрый человек даёт на память, — сказал им отец, — это дар, а не плата».

XI

«Начинай ты, Галя чернобровая! — сказал Лавро Хоробит, — подойди и выбери, что тебе приглянется». Галя подошла, протянула руку к столу, глянула на Хоробита — и, вскрикнув, отскочила прочь, словно на змею наступила. «Экая стыдливая! — молвил, смеясь, проезжий, — ну, быть так; коли ты не хочешь, пусть выбирает себе Докийка румяная». Докийка подступила поближе, посмотрела на подарки и на гостя — и также вскрикнула, и также отскочила не вспомнясь. «Вот так! Куда одна, туда и другая, — сказал Хоробит с тем же смехом. — Твоя очередь, Наталка белоли-

чая!» И Наталка робко подвинулась вперёд, невольно посмотрела на проезжего — вскрикнула и чуть не упала. Ей показалось, что рыжие брови Хоробита дыбом поднялись вверх, как иглы на еже, а из бледно-серых глаз его струёю полились на неё две тонкие нити света, острого, жгущего, мертвящего. От него и дрожь пробегала по телу, и страх заронялся в душу, и тоска впивалась в сердце. Таков-то недобрый глаз: на зелёный лес взглянет — и зелёный лес вянет!

XII

«Ну, спасибо за вашу хлеб-соль: буду её помнить, да и вы меня не забудете, хоть дочки ваши поспесивились и не взяли моих подарков», — сказал Хоробит, поглядев на девушек таким взглядом, каким демон смотрит на душу человеческую. А они, бедненькие, стояли, сложа руки крестом, и дрожали всем телом. «Прощайте, — молвил он, — не поминайте лихом!» — и засмеялся так, что у всех на душе похолодело. Тут разом за дверь скок на своего коня — и след простыл.

XIII

«Неня! Мне тяжело, мне нудно!» — говорила

Галя чернобровая. «Неня! Меня мороз подирает по коже; руки и ноги — всё как во льду, а внутри горит», — говорила Докийка румяная: ах! она уж была бледнее полотна. «Неня! У меня голова трещит от боли, и свет идёт кругом, и всё в глазах темнее да темнее», — говорила Наталка белолица. «Спаси, спаси нас, неня! — твердили все трое, — спаси нас от лихого человека! Призови знахаря: пусть отворожит силу недоброго глаза!» Напрасно! Ни знахарь, никто не помог: чем дальше скакал Хоробит, тем тяжелее становилось красавицам. С закатом солнца закатился и у них свет в ясных очах... Ночью набожные старушки собрались сидеть при восковых свечах у широкого стола, на котором лежали под белую пелену три покойницы. Дьячок заунывно читал над ними псалтырь. Отец и мать сами чуть дышали с тоски и горести.

XIV

Стоит среди кладбища за селом большая часовня; на часовне три креста; под часовней высокая и широкая могила. В этой могиле похоронены три дочери казака Никиты. Люди добрые, идучи мимо, крестятся и молятся:

«Пошли, Господи, вечный покой и вечную память покойницам». После каждой волей и неволей приговаривает: «И пусть не будет добра ни на сём свете, ни в будущем злему человеку, который змеиным своим глазом иссушил и извёл три прекрасные цветка свежие и пышные!»